

«Вспомним всех поименно, горем вспомним своим...

Это нужно - не мертвым! Это надо- живым!»

(Р. Рождественский «Реквием»)

Ушло поколение фронтовиков и из детей войны в моей семье остался один мой дедушка (мамин папа). Теперь я, из поколения 90-х, пишу свои воспоминания о войне, о том, как страшная война коснулась моей семьи.

Надо сказать, что моей семье повезло: оба дедушки по маминой и папиной линиям воевали и всем четырём моим прямым прадедам выпало счастье выжить и вернуться с войны. Мои родные, любимые бабушки и дедушки не остались сиротами, были сыты и одеты, имели возможность учиться и в дальнейшем все получили достойное образование. Благодаря этим 4 мужчинам-фронтовикам образовался и продолжается мой род. Но если два прадедушки вернулись с войны к мирной жизни в свои семьи, то жизнь 2-х других война разделила на «до» и «после». Вернувшись с войны живыми, они испытали много горя, предательства и лишений в личной жизни. И оба, почти 30-летние мужчины, после войны начали жизнь заново. Но об этом в семье никогда не говорили, хранили молчание, возможно, поэтому и считалось, что их дальнейшая жизнь относительно других лишенцев сложилась счастливо и благополучно в новых семьях.

Папин дедушка, Лушников Петр Иванович, фамилию которого я ношу, был призван на фронт с начала войны. На фронте он с товарищами попал в окружение, потом плен, концлагеря в Германии, где их практически не кормили, издевались, проводили над ними разные опыты, а умерших отправляли в крематорий, печи которого дымились круглосуточно. Плечистый парень при росте почти в 170 см, изможденный голодом весил 30 килограммов, когда на полуживом русском солдате немцы стали испытывать новое лекарство – пенициллин. Он и помог солдату дождаться того дня, когда советские войска освободили узников концлагеря. Вернувшись домой он узнал, что молодая жена, получив документ, подтверждающий, что муж пропал без вести, вышла замуж и родила ребёнка. Пётр Иванович не мог больше находиться в своей деревне и его перевели в другую, где назначили председателем колхоза «Тракторист», в котором были только женщины и подростки, а он – единственный мужчина и видный жених. Вскоре ему сосватали красивую девушку Елизавету, а позднее у них родился сын – мой дедушка Владимир Петрович Лушников. Я не застала в живых Петра Ивановича. Он умер через много лет после войны в праздничный день – 9 мая, когда его внук (мой папа, Лушников Игорь Владимирович) еще не ходил в школу. В своем родном внуке дед души не чаял, баловал

как мог и постоянно рассказывал ему разные истории из своей жизни. По фотографиям они очень похожи с моим папой.

А о том, что личная трагедия, связанная с войной, другого прадеда даже вышла за пределы бывшего Советского Союза, нам с родителями стало известно недавно, через много лет после кончины прадеда Василия Ивановича Соколко, а также 2-х его дочерей, моей бабушки Светланы и её сестры Валентины. Хотя, я полагаю, что и они вряд ли об этом что-то знали и пролили бы хоть какой-то свет на эту историю. Они обе родились уже после войны и жили в леспромхозе в Коми-Пермяцком округе, где встретились и поженились их родители. Моей бабушке, Светлане Васильевне Соколко, исполнилось 13 лет, когда у ее отца закончились страшные 15 лет «без права переписки и выезда за пределы места поселения» и они всей семьей, добравшись до железной дороги на лесовозах, впервые поехали на поезде к родственникам.

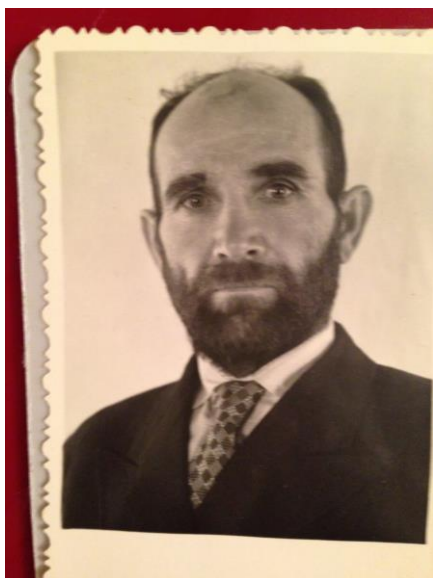
В молодости Василий Иванович – видный работающий деревенский парень, балагур и весельчак, в компании если не на балалайке, не прочь и на ложках поиграть. Даже по взрослым фотографиям не сложно представить, каким он был до войны. Была семья, детей не было. Дальше страшная война и все похоже на историю о том, как опять «не дождалась». Дед не уходил в подробности довоенной жизни, только если про детство (рано лишился матери) и главное желание, которое вело его на Родину из Германии после освобождения американскими войсками из лагеря, было увидеть отца. Однако Василий Иванович не знал, что его отец погиб в первые месяцы войны, в «листопад» 1941. В лагере они очень много физически работали, а немцы их били, очень били. На всю жизнь мерилom в сравнении физической боли у деда было: *«Это не шлангом вдоль спины. Хорошо, что ты не знаешь, когда бьют шлангом (тонкая резиновая плетка). Нет ничего больнее. До потери сознания»*. Но все эти испытания и дальнейшая несправедливая судьба не очерствили и не озлобили этого стойкого человека, не лишили правильного рассудка, доброты и жизнелюбия. Главным праздником он считал День победы; он и умер накануне 9 мая. Но и дату 14 октября 1946 года, когда по расстрельной статье (что остался живым в немецком лагере и что заставляли батрачить со скотом у местных) его сослали в нечеловеческие условия валить лес на Урале, так же помнил. И тем не менее, до конца жизни он был стержнем и поддержкой семьи, безмерно любил своих 3х внуков, возил на свою Родину в Харьковскую область к своей сестре. С какой любовью, благодарностью и теплотой связаны все воспоминания моего папы о своем дедушке Василии, который в полном смысле этого слова воспитал, научил его жизни, уберег от

сомнительных компаний и пагубных привычек. Направлял по жизни и гордился внуком за его личные успехи и достижения.

И вот 5 лет назад, перебирая дедов чемодан с документами и фотографиями, в потертом от времени конверте обнаружили фотографию мальчика 5-6 лет. На обороте надпись: «На память своему дорогому папе от сына Васи Васильевича. 20 мая 1946 года. Австрия». И фирменный красный штамп венской фотографии. А под именем Васи Васильевича уже дедовым почерком дописана фамилия, как «уточнение» – Соколки. Не передать, какой шок мы испытали, когда поняли что этот мальчик – сын Василия Ивановича и внешне даже очень похож на него. Что это за история жизни и любви, где она началась и как развивалась, каким образом вообще эта фотография 1946 года могла попасть на Урал, как она сохранилась за 69 лет – останется загадкой. Известно, что у деда она хранилась в важных документах. Я понимаю, что сын искал, он не мог не искать своего отца, с которым его разлучила жизнь и которого он, судя по надписи, хорошо знал. Не сомневаюсь, что он делал запросы в советские архивы и наверняка пришел ответ, что Соколко Василий Иванович умер и нет данных о месте захоронения, ведь статья «15 лет без права переписки» – по сути, расстрельная статья, после нее мало кто оставался в живых. И мы сегодня понимаем трагедию человека, лишенного войной семьи и ребенка и трагедию сына, на всю жизнь разлученного судьбой с отцом. Мы не знаем где проживает, какие имя и фамилию носит этот мальчик с фотографии, Вася Васильевич. Несомненно, было бы интересно узнать, в какой теперь уже стране, в какой еще семье, в чьем семейном альбоме имеется точно такая же фотография, ведь в фотоателье заказывали не по одному экземпляру фото, а дарили на память и еще оставляли себе. Если не у самого Васи Васильевича Соколки, то наверняка есть у его детей или внуков. На каком бы языке или диалекте они не говорили: немецком, австрийском, русском, я уверена, в этой семье существует история и память поколений.

Недавно на одном из федеральных каналов был сюжет о том, что поисковые отряды обнаружили под Курском останки погибших воинов. По истлевшим медальонам с трудом определили имена красноармейцев, считавшихся пропавшими без вести. На церемонию торжественного захоронения приехали родственники тех погибших солдат, со слезами говоря, что все это время верили и насколько им важно знать, где похоронены их родные. Меня глубоко взволновала эта история, потому что и в нашей семье есть недосказанная военная тема, общая память на две семьи. Хорошо, что все остались живы. Больно и обидно, что с 1946 года отцу и сыну так не случилось больше встретиться. С другой стороны, если бы в жизни было по-другому, не родилась бы моя бабушка, а

следовательно, и мы. Приходя на могилу прадеда, Василия Ивановича Соколко, мы вспоминаем о Васе Васильевиче Соколке, потому что он не знает, где похоронен его отец и не может принести цветы на его могилу, как не знают его дети, где похоронен дед. Все точки в истории войны до конца не расставлены. Кто знает, может еще найдутся и приедут потомки Васи Васильевича Соколки на могилу того, кто дал им жизнь. Время покажет.

«В молодости Василий Иванович – видный работающий деревенский парень, балагур и весельчак, в компании если не на балалайке, не прочь и на ложках поиграть. Даже по взрослым фотографиям не сложно представить, каким он был до войны»

«На память своему дорогому папе от сына Васи Васильевича Соколки. 20 мая 1946 года. Австрия»